

Все герои и действия вымыслены, любое сходство является совпадением.

Автор

ГЛАВА I

С утра мозг заела дребедень из старого мультфильма. Ну просто выдолбила в голове громадные дырки.

— Надоело! — гнусавил лягушонок-сын в том самом мультике про Дюймовочку.

— Что надоело? — задавалась вопросом его лягушачья мамаша.

— Все надоело! — квакал в ответ сынок.

Вот-вот, и ему тоже все надоело. Ну просто до такой степени все надоело, что иногда в своем злом отчаянии — грех признаваться — он желал зла всему человечеству.

— Так ляг, поспи! — советовала мамаша.

— Не хочу спать! Надоело!

— Тогда иди учиться, — все еще пыталась она вразумить свое дитя.

Он выучиться успел. Успел до того, как все обрыдло. И диплому радовался, и образованию, будто это могло иметь значение.

— Не хочу учиться! — вопил мультяшный лягушонок. — Хочу жениться!..

Жениться он уже не хотел. Успел в свое время. Женился. Попробовал зажить со своей женой долго и счастливо. Не получилось — развелся. Доба-

вил к собственной тягостной скуке еще и стойкое неприязненное отношение к браку, только и всего.

Пора было задаваться риторическим вопросом: что делать?!

Хотя ведь задавался, и не раз. Беда! Ответа не было.

Друзья пожимали плечами, не понимая, что он вообще хочет от жизни, ведь все вроде сложилось, чего еще. А отец...

Отец его, кажется, ненавидел. Так тоже бывает иногда.

Александр остановился возле подъезда и с тоской оглядел двор. Здесь прошло его детство, плавно миновало отрочество, проскочила незамеченной юность и грозилась нагряться старость.

А что? Так ведь, наверное, все и произойдет. Он будет день за днем шлепать по утрам на нелюбимую работу. Вечерами возвращаться усталый, злой и опустошенный. Станет садиться за обеденный стол, жрать нехитрый холостяцкий ужин из пельменей и бутербродов с колбасой, выпивать бутылку пива и дремать перед телевизором. Перспективно, нечего сказать. Но ведь так все и будет. Так прожил жизнь его отец. Так проживет и он.

— Здравствуй, Саня. — Арина Валерьяновна, что жила в квартире напротив, с осуждением посмотрела на его вытянувшуюся футболку и не вполне свежие джинсы. — Как папа?

— Папа? Нормально, — пробурчал он, забыв поздороваться с дотошной теткой.

— Слышала, вы опять скандалили? — Старая перечница осуждающе поджала тонкие выцветшие губы.

— Да? — Он неумело изобразил недоумение и покачал головой. — Да вроде нет.

— Как же нет, если Степан Александрович снова кричал! — возмутилась та, не собираясь отставать. — Нельзя так, Саня! Нельзя! Он старый человек и требует снисходительного к себе отношения, а ты..

— Что я? — Александр отвернулся.

Он всегда теперь от нее отворачивался, хотя раньше бывали моменты, когда находил в общении с соседкой утешение.

— А ты грубишь ему. — Арина Валерьяновна слегка повысила голос. — Он болен, стар, одинок и... И говорить с ним ты не можешь в подобном тоне!

А как он должен говорить со старым паршивцем, который ежедневно гонит его прочь из отчего дома, интересно?! Как должен реагировать, когда родной отец выбрасывает из шкафа его вещи, приговаривая, что им место на свалке вместе с хозяином?! Должен улыбаться, делая скидку на старческий маразм, что ли?

А ему это надоело, черт возьми! Арина Валерьяновна, между прочим, с некоторых пор тоже перекочевала в разряд дико надоевших ему людей.

— К вам приходил участковый, — порадовала его соседка.

— Да? А зачем?

— Узнай у папы, — посоветовала та и двинулась старческой семенящей походкой в сторону крохотного магазинчика, притулившегося в соседнем доме, аккуратно напротив их подъезда.

«Узнай у папы!» Что можно было у него узнать, о чем спросить, без опасения нарваться на очередной двухчасовой скандал! Нет уж, он лучше промолчит. А еще лучше — уйдет куда-нибудь вечером. Вопрос вот только — куда?

Дверь квартиры оказалась запертой изнутри на щеколду. Это отец ее навесил из-за настырного своего нежелания пускать его в квартиру. Правда, потом все равно впускал, но предварительно мог продержать его на лестничной клетке минут десять, а то и больше, переговариваясь через замочную скважину. Зрелище для алчных до сплетен соседей. Что-то сегодня?..

— Па, открой, — попросил Александр устало.

— Зачем? — поинтересовался настырный старик.

— Домой хочу.

— А есть он у тебя, дом-то, гадина?! Это мой дом! Мой!!! — тут же завопил отец.

— Пусть так, — согласился Александр, хотя опротестовать мог влегкую, имея право ровно на половину жилплощади. — Открой, пожалуйста!

Возникла пауза, заполненная приглушенными звуками с улицы и хлопаньем входных дверей этажами выше и ниже. Отец размышлял минут пять, а может, дольше. Ожидание всегда казалось Александру долгим и изнурительным. За это время он успевал обычно детально рассмотреть свою дверь, в которую до смерти матери входил безо всяких задержек, растрескавшиеся деревянные перила лестницы, пыльное подъездное стекло и дверь квартиры напротив, где среди кружевных салфеточек прозябала в своей старости Арина Валерьяновна.

Отец отозвался совсем неожиданно и даже чуть дверь приоткрыл, предусмотрительно заблокировав ее дверной цепочкой.

— Пуцу на одном условии, — вдруг выпалил он, строго глядя на сына из-под кустистых седых бровей.

— На каком? — удивился Александр.

Это было что-то новенькое. И наверняка гадкое — ни на что хорошее рассчитывать не приходилось.

— Мне это... Нужно в банк! — с вызовом воскликнул отец.

— И что? Проводить тебя туда? — Он все еще не понимал, куда клонит старый маразматик.

— И проводить тоже. И еще... — Старик пожевал полными губами, скрипнул костылем, на который опирался. — Мне нужно взять кредит в банке, нужен поручитель. Пойдешь?

— Кредит? В банке?! — удивлению не было предела. — Зачем тебе кредит? Тебе пенсии за глаза хватает и...

— Не твое собачье дело, сыночек. — Карие глаза отца зло прищурились. — Может, я жениться хочу, во! А мне деньги на машину нужны, мой «Запорожец» сдох еще пять лет назад. Так пойдешь поручителем или нет? — И тут же, не дождавшись его ответа, пригрозил: — Пойдешь — домой войдешь, нет — спи на лестнице!

Отец собрался жениться! Вот это был номер! Это было что-то из ряда вон выходящее, и не потому, что Александр не мог представить себе невесту отца, а потому, что не мог представить своего старика вообще рядом хоть с кем-нибудь. Поскольку тот был жаден, мелочен, сварлив и до отвратительного неопрятен. Кто же мог польститься на такое сокровище? Уж не Арина ли Валерьяновна? А что, такой вариант возможен. Неспроста же она так печется о нем, заступается постоянно, а Александра всякий раз гнобит за неосторожно сказанное грубое слово.

Кредит, стало быть, собрался взять на новую машину, ну-ну.

— Хорошо, — сдался он очень быстро. — Я согласен стать твоим поручителем, но у меня тоже условие.

— Какое еще?

— Со своей супругой ты здесь жить не будешь.

— И не собирался, между прочим, — фыркнул тот, обильно брызнув слюной. — Очень надо мне молодуху сюда тащить! На рыло твое любоваться день за днем! Нам, может, жить осталось два понедельника, чего же отравлять себе сладкие дни. Ладно, входи уж...

Цепочка с лязгом была отброшена в сторону, и через мгновение Александр входил в свою квартиру. Вошел и тут же поморщился. Вонь в доме стояла непереносимая. Мало того что отец курил, где попало оставляя окурки и пепел, так еще и приготовить себе что-то сподобился. Что-то, пахнущее кислятиной и подгоревшей селедкой.

— Чего морщишься, не по нраву мой харч? — уловил старик тут же брезгливую гримасу сына. — Так тебе его и не жрать. Топай к себе и не высовывайся, чтобы глаза мои тебя не видели. Дай хоть напоследок пожить в этом хлеву спокойно.

То, что квартиру он самолично превратил в хлев, отец признавать не собирался. Во всех бедах и старческой неустроенности он всегда винил его — своего великовозрастного сына. Он, по понятиям отца, и только он должен был делать ремонт, уборку, стирку, готовку. В общем, ублажать все желания маразматика.

Конечно, он должен был, кто же спорит. И убирать, и стирать, и ухаживать за стариком, если бы...

Если бы не гнусное в ответ обращение.

В какой-то момент Александр просто не выдержал, сломавшись, и делать все это перестал. Перестал замечать груды старческих грязных кальсон и рубашек. Перестал мыть за отцом посуду и сметать с ковров окурки с пеплом. Перестал готовить, потому что все вдруг оказывалось невкусным, гадким и неэкономичным.

И как только делать все это Александр перестал, отец возжелал выселить его из трехкомнатной квартиры в центре города.

— Выселю тебя, — предавался старик мечтам неоднократно. — Продам эти хоромы. Куплю себе небольшой домик в деревне, заведу бабу, скотину, все равно какую...

Александр так и не понял — отцу было безразлично, какая баба поселится рядом с ним или какая скотина встанет в стойле? Наверное, и то и другое в равной степени.

В кухне, как всегда, царил полный кавардак. На столе груды газет. Поверх них колбасные шкурки, яичная скорлупа, очищенные наполовину огромные огурцы. Там же пепельница, дыбившаяся грудой папиросных окурков. В раковине грязные сковороды, тарелки, кастрюли. Тюлевая шторка, которую мать обычно стирала раз в неделю и тщательно утюжила, расправляя каждую складочку, была скручена жгутом и заброшена на распахнутую настесь форточку. Боковая стенка холодильника залита кетчупом, успевшим схватиться так, что не оттереть. В большой комнате наверняка было не лучше.

И как этот человек, с трудом передвигаясь на костылях, ухитрялся за день выгваздать таким образом квартиру, всякий раз изумлялся Александр. Будто бы нарочно, будто бы назло, будто бы мстя

за мать, при которой в доме царил образцовый порядок.

Александр открыл холодильник, достал из морозилки початую пачку пельменей. Слава богу, целая. А то тащись снова в магазин, покупай, потом снова просись в дом. Пустая кастрюля нашлась на верхней полке в шкафу у окна, куда отец не мог дотянуться. Ее Александр намеренно прятал, чтобы было в чем приготовить.

За его манипуляциями отец наблюдал с поразительным благодушием. Таким его Александр уже давно не помнил. Потом и вовсе удивил, спросив:

— Чего не поинтересуешься, на ком я собрался жениться?

— Мне все равно. — Он пожал плечами, поднял перевернутый на бок табурет, отряхнул его и сел возле окна.

— Так уж и все равно! — не поверил папаша, громыхнул костылем, подходя поближе и заглядывая ему в лицо со спины. — Не верю, что все равно, Саня! Не верю, хоть убей!

— А мне все равно, веришь ты мне или нет. — Александр чуть подался от него в сторону — таким стойким зловонием пахнуло от отца.

— Во-во! Весь ты в этом, ублюдок! Все тебе все равно! Что отец гниет заживо в этой хате — все равно! Что ему порой жрать нечего — тебе тоже все равно!

— Па, не начинай, ладно? — попросил Александр, пристально глядя в окно на соседний дом. — Я очень устал.

— Устал! Устал он, глядите-ка! — брызнул слюной ему прямо в ухо старик. — От чего устал? От самого себя? Неудачник хренов! Ходишь на работу в глупую контору, которая трещит по всем

швам. Торчишь там с утра до вечера за компьютером, все программу мечтаешь какую-нибудь избрести! Не получится, Саня, поверь мне. Ничего у тебя не получится.

— Почему? — равнодушно поинтересовался он.

— Потому что ты неудачник! Ты ничего не можешь и никогда не сможешь уже, никогда! Время твое ушло! Тебе сейчас уже тридцать пять, так? Так! В эти годы все твои друзья уже детям начинают сколачивать состояние, а у тебя еще и своего не сбито! Ты же ничего не имеешь и не умеешь! Только вон за чужими бабами по окнам следить!..

Александр вздрогнул, как от удара костылем по спине. Такое ведь тоже случалось — отец его, бывало, поколачивал, когда он не успевал увернуться и удар приходился неожиданным и негладным. Сейчас тот его не ударил, но хлестнул жестоко. Уж лучше бы костылем, чем такими словами. А отцу этого только и нужно было. Он тут же вскочил на своего конька:

— Она никогда не будет твоей, никогда! Она не такая, чтобы позариться на неудачника вроде тебя! Видал, какой у нее мужик! Видный, красивый, а машина у него какая! И уж в штанах у него, поверь, есть все, чтобы сделать женщину счастливой. А ты!.. От тебя даже твоя спирохета, Лизка, и то сбежала.

Лизка не сбежала — Александр сам оставил ее. И об этом отец прекрасно знал, но он был бы не он, если бы не переиначил ситуацию в свое удовольствие.

— А почему она сбежала? — продолжал тот наслаждаться его унижением. — Потому что ты ничтожество! Ты ведь... Господи, и чего мать всегда

считала тебя красавцем, ума не приложу! Чего в тебе хорошего?!

Вот тут, конечно, папаша завирался.

Даже сейчас, придавленный гнетом сильнейшего равнодушия к собственной судьбе, утративший общественную значимость, Александр выглядел очень даже ничего. Высокий, русоволосый, с пронзительно голубыми глазами, унаследованными от матери. Да и мускулатура какая-никакая имела место быть. Он ведь вечерами частенько от отца в спортзал сбегал. И нередко, пожалуй, даже сверх положенного натыкался на заинтересованные взгляды представительниц слабого пола. Беда — его это мало трогало.

— А девочка-то чудо как хороша! — не уни-мался отец, поскрипывая правым костылем у него за спиной. — И, слышал, не очень жизнь у нее сложилась...

— Как это?! — не удержался от удивленного возгласа Александр, хотя и давал себе зарок не идти на поводу у низменных отцовских помыслов. — Ты только что сказал, что мужик у нее ого какой.

— Мужик-то ого, да толку что? — Отец медленно обошел его, сидящего на табуретке, и оперся заскорузлыми ладонями о шершавый подоконник, не крашенный уже лет пять как. — Бабы во дворе болтали, что не сложилась у них жизнь.

— Да? Не слышал ничего подобного, — задумчиво произнес Александр скорее для себя, чем для отца.

Но тот среагировал мгновенно, тут же плюнув в его сторону:

— Да что ты можешь слышать? Что?! Ты же от ящика глаз не отрываешь! Днем в компьютер, ве-

чером в телевизор пялишься. А жизнь твоя проходит, Саня. Поверь мне, пролетит, и не заметишь как!..

Это были, наверное, единственно мудрые и незлые его слова за долгие месяцы. Александр вскинул голову в надежде услышать от отца еще что-нибудь подобное, но тот неожиданно умолк, а потом и вовсе ушел с кухни. Через пару минут квартиру заполнил оглушительный рев телевизора. Старик всегда так смотрел его, невзирая на время суток и желание Александра отдохнуть хотя бы ночью.

Пельмени он съел безо всякого аппетита, как ел их почти всегда. Пельмени, потом жидкий недорогой чай. И снова к окну в надежде увидеть ее — желанную девочку из безвозвратно счастливого детства.

Оно счастливым было у него. Действительно счастливым и почти безоблачным. Отец почти всегда работал, дома бывал мало. Когда появлялся, сын по большей части уже спал. И отвратительный нрав отца как-то не давал о себе знать до тех самых пор, пока не умерла мать. Не стало матери — не стало и семьи. Своей создать — такой же прочной и счастливой — у Александра не получилось. Лизка оказалась немного...

Или не Лизка, а он оказался не готов идти на поводу у ее капризов и капризов ее мамы, непременно желающей жить вместе с молодыми и принимать непосредственное участие в создании и укреплении их ячейки. Как пошло все не так с самого начала, так и продолжилось.

— Все они одинаковы, Сашок, — утверждали его друзья, отжившие в браках лет по пять-семь. — Ничего нового, если стол и кров один на

двоих. Не тешь себя мыслью, что с кем-то может быть по-другому.

А он вот тешил. Мало того, почти верил, что у него все было бы по-другому с кем-то еще. И этой кем-то могла быть только одна — девочка из его детства. Та, что жила в доме напротив.

Он выбрался из-за стола с тяжелым сердцем. Не хотел, да вымыл всю посуду. Прибрал со стола. Неожиданно для себя подмел пол. Может, в благодарность, что отец не донимал его сегодня. Потом стащил с форточки шторку, стряхнул ее и занавесил аккуратно окно, попутно подумав, что надо бы ее выстирать. Подумал и решил вынести мусор.

— Па, я мусор вынесу, ты не запирайся, ладно? — предупредил он старика, задремавшего перед телевизором.

— Ладно, — ворчливо отозвался тот. — Ты на вторник отгул возьми. Меня во вторник в банке ждут с тобой. И документы приготовь. Паспорт там, военный билет на всякий случай. Да! И справка твоя о зарплате нужна непременно. Справка о доходах. Возьмешь?

— Возьму, — согласился Александр.

Он бы теперь всю бухгалтерию швырнул к его ногам, лишь бы тот дремал и не скандалил попусту.

— Иди уже. — Отец чуть косил на него хитрые глаза и хихикнул: — Она ведь тоже в это время мусор выносит обычно. Поспеши, а то опять ее прозеваешь, красавчик!..

Мусорные контейнеры расположились далеко-далеко. Удобства в этом пенсионерам виделось мало. Приходилось идти проходным двором мимо гаражей на пустырь, это метров триста, не меньше. Но санэпиднадзор был непреклонен: нельзя распола-

гать помойку в таком дворе, как их. Ничего, пройдется, для здоровья только польза.

Александр был со службами этими абсолютно солидарен. Двор был великолепен, до стерильности чист, загадить его мусором было бы кощунством.

Дворовый колодец из четырех пятиэтажных домов был почти полностью залит асфальтом, исключение составляли клумбы и детская площадка. Двор ежедневно вылизывался местным дворником дядей Толей. Он же поливал всю растительность, радуящую глаз с весны до глубокой осени. Ну какие тут могут быть мусорные контейнеры! Не место им под окнами. А что ходить приходилось чуть дальше, чем хотелось бы, не беда. В этом Александр даже видел определенные удобства. Как вот сегодня, к примеру, когда он вышел из подъезда и увидел под аркой проходного подъезда до боли знакомый и желанный силуэт.

ГЛАВА 2

Из мусорного мешка отвратительно несло затхлой рыбой. Стас вечером упивался пивом с воблой. Потом, не удосужившись замотать рыбы головы плотнее в отдельный пакет, вывалил все зловонное угощение свое в мусор, забыв, как всегда, утром отнести на помойку. Вся квартира, казалось, пропиталась этим запахом. Каждый угол ее, каждая вещь. Кажется, от волос ее — и то несло распотрошенной накануне воблой.

Ирина отставила руку, в которой несла мешок с мусором, подальше и ускорила шаг. Ей было неловко так идти. Высокие каблуки мешали, увесистая зловонная ноша раздражала, тут еще, как на-

зло, вырыли траншею прямо на пути к мусорным контейнерам, и пришлось идти в обход.

Ну что за жизнь у нее, господи боже!!! Хоть плачь, честное слово!

С девяти утра до шести вечера она — уважаемый, обожаемый сослуживцами сотрудник. После шести — домработница, которой помывают, погоняют и давно уже не любят, кажется.

— Дорогуша, расслабься, — хохотнула в прошлую пятницу ее начальница, когда они рядышком сидели на полке в сауне. — Думаешь, я дома на другом положении?

— А что — нет? — Ирина сонно удивилась, ее всегда от тяжелого жара клонило в сон.

— Поверь мне, нет! Будь ты хоть трижды заслуженной, хоть премьер-министром будь, та скотина, под которую ты вынуждена день за днем ложиться, никогда тебя таковой считать не станет. Ты для него подстилка — не более. Баба евонная, с которой он что хочет, то и делать будет.

— Это несправедливо, — выдохнула она осторожно, чтобы не обжечь себя своим же дыханием.

— Согласна, но изменить мир мы с тобой не в силах. Так было, так есть и так будет. В противном случае... — Начальница закатила глаза, осторожно облизнув верхнюю губу. — В противном случае ты просто обречена на одиночество. Ты ведь не хочешь остаться одна, нет? Вот именно! И я не хочу. Какой-никакой плетень, да за ним тише. Помни это, Ирка, и не ерепенься. А Стас твой...

— Что мой Стас? — подначила она начальницу, заведомо зная, что та сейчас начнет хвалить ее мужа.

Ей нравилось, когда его хвалили. Когда начинали перечислять при ней его достоинства, в ис-

тинной ценности которых она давно сомневалась. Когда приводили при ней примеры чьих-то неудавшихся браков, где и пьют, и бьют, и гуляют. Он-то не такой!

— А Стас твой такой плетень, к которому любая привалилась бы с радостью и благодарностью за то, что ей это позволили, дорогуша.

— В самом деле?

— Не нужно так удивляться, милая. — Начальница с пониманием глянула ей в самые зрачки. — Ты и сама прекрасно об этом знаешь. Вспомни Новый год. Вокруг него бабы наши вились. А он только улыбается и с тебя глаз не сводит. Радоваться должна, а не роптать. На диване он у нее лежать любит! Скажите пожалуйста, какой недостаток! А кто не любит-то? Мы бы с тобой тоже с радостью завалились бы, коли позволено было. Только нам не позволено, потому как мы с тобой бабы! Нам позволено шуршать на кухне, а потом под одеялом. Живи уж и не жалуйся. Такова жизнь семейная, такова она, проклятая. А без нее тоже худо, согласись?..

Она и согласна была, и нет. Все вроде бы и так, но...

Но бывало ведь и по-другому. У многих причем бывало. У ее отца с матерью, к примеру. Мама могла запросто залезть с ногами на диван и втиснуть свои озябшие ступни отцу между коленок, чтобы согрел. Тот никогда не ругался, даже если и не вовремя. Ноги мамины возьмет в ладони и дуть начнет, иногда и пощекотать мог, если настрой был у обоих шаловливый. Настрой друг друга они четко ловили, вот в чем был секрет их долгого семейного счастья. А у нее со Стасом не было! Ни настроя общего, ни желания уловить его.

Вчера вот она, к примеру, притащила из ресторана мясо по-французски. Сервировала стол красиво. Свечу поставила в серебряном подсвечнике, в том самом, что дарила Стасу на первую годовщину свадьбы. Серебро столовое достала, лучшие тарелки. А он что?!

Он ввалился в квартиру с пузатым пакетом, в котором булькало пиво и щетинилась вобла. Зашел на кухню, поморщился изысканному убранству стола и тут же без лишних предисловий потребовал:

— Ты, Ириша, хрень эту всю со стола сгреби, будь другом. Я пивка попью, лады?..

Может, если бы она настояла, он и не стал бы стучать этой проклятой воблой по столу и шипеть пенным напитком, вскрывая банку за банкой. И, может, сел бы напротив и проникся бы торжественностью момента, но...

Но она тут же обиделась. Тут же сгребла все со стола вместе со скатертью и ушла к себе, засев за книгу. И просидела с ней до полуночи. Никто о ней и не вспомнил. Детей у них не было. Родители ее умерли друг за другом почти сразу после ее свадьбы. И вспомнить о ней в этот вечер было некому, а Стас мирно допил свое пиво, досмотрел сто первый по счету спортивный матч, принял душ и завалился спать. Утром ушел на работу, не озаботившись тем, что жена предпочла спать в соседней комнате на диване. И даже мусор свой не вынес. Идиллия!..

— Здравствуйте, — тихо окликнул ее кто-то со спины знакомым и в то же время чужим голосом.

Ирина повернулась и увидела мужика из дома напротив.

— Привет, — кивнула она, тут же поспешно швырнула пакет в дальний контейнер, чтобы не

так обдало того тараночным зловонием, и поспешила в обратную сторону.

— Торопитесь? — вдруг с чего-то поинтересовался мужик, поспешно избавился от своего мусора и бросился за ней следом.

— Я? — Она удивленно на него оглянулась. — Вообще-то да, тороплюсь. А в чем, собственно, дело?

Дело все было в ней и ни в ком другом! В ее походке, в ее повороте головы, в том, как она смотрела и как улыбалась, правда, не ему. Все дело было именно в ней, но как скажешь, если она вся тут же оцетинилась и смотрит на него, как...

Как его отец на него смотрел, черт побери! Именно так она на него теперь смотрела — как на ничего не представляющее собой существо.

— Ни в чем. — Александр пожал плечами, размахом которых мог вправду гордиться, беда, обтянуты они были пыльной, неряшливой футболкой. — Меня Александр зовут, а вас Ирина, я знаю.

— Очень приятно, — осторожно кивнула она, не понимая его жадного, пристального взгляда и совсем не находя ему никакого объяснения.

— Мусор выносили? — совершенно не к месту подметил он.

— Да что вы, нет — прогуливалась. Такое место, знаете ли! — чуть окунувшись в былое юношеское злоязычие, Ирина тут же расхохоталась. — Саша, вы несете вздор, не находите?

— Нахожу, — улыбнулся он, с упоением слушая ее смех. — У вас смех, Ирина...

— Какой?

Вот напало на нее неожиданное кокетство, скажите на милость! И где? На помойке! Расскажи кому — засмеют. Но изнутри будто черти толкали давно уснувший и покрывшийся мхом задор.

— Какой у меня смех, Саша?

— Потрясающий! Никогда не слышал, чтобы кто-то так мог заразительно смеяться, — выдал он ей чистейшую правду.

— О как!

Что-то такое про ее смех говорил ей прежде и Стас. Потом перестал. Потом мог коротко обронить:

— Ирка, хорош ржать!

А как все начиналось, как начиналось! И не с мусорных контейнеров дело пошло, а с охапок роз под ее балконом и дрожания гитарной струны на высоком аккорде. И черноморский курорт потом был, и счастье в белом платье в самом центре города. А закончилось все воблой, черт побери. Воблой, пивом и футбольным матчем.

— Вы, Ирина, потрясающая женщина, — проговорил не очень внятно ее собеседник.

Неожиданно для обоих сделал пару шагов, приблизившись к ней на непозволительное расстояние. Склонил голову, осторожно взял ее руку, в которой она несла зловонный пакет с мусором, и поцеловал.

— Не гигиенично, между прочим, — язвительно заметила она, ничуть не смутившись, а разозлившись на себя и на него за нелепую эту сцену. — Я в этой руке несла пакет с мусором.

— Ну и что? — Кажется, он ничего не понял.

— Ничего! Просто мне пора. Пока.

И пошла от него прочь той самой походкой, которую он никогда прежде не видел ни у кого другого. И хвост ее волос все так же по-детски метался от плеча к плечу, как тогда давным-давно в школе, когда он караулил ее на переменах, и...

— Ира! — вдруг крикнул он, охваченный не-

ожиданным отчаянием. — А я ведь вас люблю с самого детства!

— Что?! — Она споткнулась и стояла к нему спиной какое-то время, потом обернулась и снова повторила: — Что вы только что сказали, Саша?!

— Ничего особенного. — Он пожал плечами, продолжая упиваться тем, что рассматривает ее так близко. — Я люблю вас с самой школы. Когда вы еще были девочкой. И потом любил, когда вы замуж выходили. И теперь люблю.

— Вот это да!

Ирина часто-часто заморгала, не зная, что именно надлежит в таких случаях говорить и делать. Смеяться было неуместно. Учитывая то, как именно он смотрел на нее. Смотрел ведь, прости господи, как больной совершенно.

Призывать к порядку тоже вроде было не за что. Он не сделал ей ничего дурного и, кажется, не собирался этого делать. И тогда она произнесла традиционную, единственно верную, на ее взгляд, фразу:

— Я замужем, Александр.

— Я знаю. Но ваш муж...

— Что мой муж?

Это был уже вызов, черт побери! Еще никто и никогда не отзывался в ее присутствии дурно о ее муже. Что, интересно, может сказать этот человек в неряшливых джинсах и футболке?

— Что мой муж, Саша?

— Он вас недостоин, и он... Он очень странный человек.

— Да? И что же в нем странного?

— Ну... Он никогда не выносит мусор, к примеру. Всегда этим занимаетесь только вы и...

— И он точно никогда бы не стал признаваться

мне в любви на помойке, — перебила она его с раздражением и ушла, сердито цокая высокими каблучками по утоптанной до мраморного блеска тропинке.

Она отошла уже достаточно далеко, когда он крикнул ей вслед:

— Позвоните мне как-нибудь, Ирина! У меня очень простой номер: три шестерки сорок три. Я буду ждать!

ГЛАВА 3

Он давно уже прозябал в бездеятельной скуке. Очень давно. Как бы не соврать, не сбиться со счета и не обмануть самого себя.

Да, уже несколько месяцев не находилось применения его таланту. А он у него имелся, да еще какой! И главное — талант тот был пока непризнанным. Результатами упивался пока он один. Правильнее, думал, что он один, но вот вчера...

Вчера на улице возле газетного киоска его неожиданно окликнули. Окликнули по имени, между прочим. Отвели под локоток подальше от людской толчеи, что всегда возникала там, поскольку газетный киоск соседствовал с автобусной остановкой. Усадили на скамеечку под раскидистым канадским кленом и, настырно глядя ему в глаза, проговорили:

— У меня есть заказ на одного человека.

— Не понял?

Он очень ловко изобразил удивление. Он умел притворяться, умел играть, умел вводить в заблуждение. Решил, что прокатит и на этот раз. Не прокатило, черт побери, потому что этот настырный человек ухмыльнулся и пробормотал:

— Не пытайся валять дурака, я все о тебе знаю.

— Да ну! И что же ты знаешь?

Не хотел, да оглянулся с опаской себе за спину. Это — решил он для себя тут же — было первым проколом и первой уступкой с его стороны.

Честный человек с незапятнанной репутацией разве станет озираться, разве станет бояться, что их кто-то сумеет подслушать? Нет, конечно. Он запросто пошлет собеседника куда подальше и уйдет прочь, насвистывая. Он не ушел, потому что...

Да струсил он тут же, стыдно признаваться самому себе. Струсил так, что живот моментально закрутило и губы перестали чувствовать, будто в кресле стоматолога сидел и ему только что вкатили в десну огромную дозу обезболивающего. Вот каким страшным и сильным оказался его внезапный страх.

— Знаю многое, но это мой секрет, хотя он и напополам у нас с тобой, — человек отвратительно захихикал. — Но тебе не стоит меня бояться. Я не опасен. К тому же ты мне нужен. Очень нужен. Одному человеку...

— Это я уже понял, — перебил он его со злостью.

И злость эта имела многогранную окраску.

Злился на себя за уязвимость. Злился на этого человека, перед которым вдруг спасовал. И еще больше злился из-за своего интереса к заказу незнакомца.

Маялся ведь от бездеятельности? Маялся. Хотел вновь того феерического ощущения, которое дает невероятный оглушительный успех? Хотел, да еще как! Сетовал на то, что никак не находится применения его таланту? Сетовал, сетовал. Чего

тогда? Не ожидал, что его тайное вдруг станет для кого-то явным, вот чего. А разве к этому можно быть готовым?..

— Так берешься выполнить заказ или нет? — Человек спросил так, что ясно было — отрицательного ответа он не потерпит.

— Кто он? — вынужден он был спросить.

— Вот это уже разговор! — тут же обрадовался его собеседник и моментально полез в нагрудный карман летней рубашки, достал небольшую фотографию, подержал ее на ладони, любовно рассматривая, а потом сунул ее ему, буркнув: — Знаешь его?

Лицо было узнаваемым, но не настолько, чтобы утверждать, что человек ему хорошо знаком.

— Не знаю, — коротко ответил он, возвращая фотографию. — И что ты хочешь?

— Хочу, чтобы он ушел из жизни очень быстро, безболезненно, никак не привлекая к собственной смерти внимания правоохранительных органов. Все должно выглядеть очень естественно. Знаю, ты это можешь.

— Гм-м...

Он нахмурился, снова озадачившись тому, как много собеседник о нем знает. Интересно было бы знать, откуда? Но спрашивать не стал. Ответа не будет точно.

— Сколько ты хочешь за заказ? — деловито осведомился человек, неловко поднимаясь со скамейки.

— Сто, — брякнул он первое, что пришло ему в голову.

— Сто чего? Тысяч? Сто тысяч рублей или долларов?! — Человек заметно заволновался.

— Рублей, рублей, не переживай.

— А-аа, отлично. Это подойдет.

— Эй, стой! — окликнул он его, потому что тот вдруг медленно пошел в сторону автобусной остановки. Дождался, пока он вернется, и предупредил: — Предоплата пятьдесят процентов. Я так работаю.

— Ладно, когда?

— Все зависит от тебя. Как срочно тебе нужно?

— Нужно? Еще вчера! — фыркнул человек, небрежно щелкнув пальцами. — Но... Ладно, я найду тебя, как только у меня будет нужная сумма. И знаешь что... Я заплачу тебе сразу все!

— Не боишься, что обману? — ухмыльнулся он не очень уверенно.

— Нет, не боюсь. Ты у меня вот где, милый, — и человек сжал крупный крепкий кулак, поднеся его почти к самому его носу. — Это тебе нужно меня бояться, а не наоборот. Обманывать меня не в твоих интересах, если не хочешь, чтобы в твою дверь постучали серьезные ребята. Все, до встречи...

И он ушел на остановку. Сел в первый подошедший автобус и колесил потом, как идиот, по городу. Хотел, наверное, замести следы. Смешной! Неужели этот человек и в самом деле думал, что он позволит так нагло наступать себе на горло? Неужели и правда считал, что держит ситуацию под контролем? Какое самомнение, какая недалекость. Хотя, с другой стороны, ему это лишь на руку. Пусть незнакомец думает и считает, как ему удобнее. А он...

Он станет действовать по ситуации. А заказ, видимо, придется выполнить. Ну что же, ну что же, он займется подготовкой уже сегодня. Пришла пора реализовать собственный талант себе же во

благо. Жалко только, что так мало запросил. Человек готов был выложить много больше. А, да ладно. Может, еще удастся раскрутить его на премиальные. Может быть...

ГЛАВА 4

Выходные летели насмарку. Корпоративный выезд на природу Стас отверг с содроганием, тут же вспомнив минувшие празднества Нового года, когда ее коллеги облепили его, будто осы.

— Не хватало еще, чтобы они начали оголяться в жару передо мной, демонстрируя целлюлитные ляжки! — морщился он брезгливо, неаппетитно выворачивая внутренности голубца вилкой на тарелке. — Ладно — зима. А тут — лето, жара. Все станут загорать, купаться, снова липнуть. Не хочу, Ириш, уволь меня от подобной перспективы. Нет, если ты хочешь, поезжай, я не против, но меня уволь.

Без него Ирина ехать не хотела. Все, включая одиноких, собирались выезжать парами, похватав подвернувшихся под руку знакомых мужчин. А ей что? С тоской любоваться на их уединение вечером? Нет уж. Она и дома посидит. Хотя не очень-то хотелось.

Стас поужинал, как всегда забыв поблагодарить. Ирина сгребла со стола грязную посуду, вымыла и вышла на балкон. Вечер пятницы был потрясающим. Жара милостиво отступила, позволив кратковременному дождику прибить пыль и умыть листву. Солнце упало за крыши домов, и двор погрузился в приятный прохладный полумрак. Сейчас бы побродить по влажному асфальту, да с кем?

Вниманием Стаса завладел спортивный канал. Теперь невозможно его вытащить из дома. Позвонить Наташе? Встряхнуть ее, выдернуть из ее горя и...

Нет, Наташе звонить нельзя. К ней нужно просто ехать, брать за руку и тащить упирающуюся хоть куда-нибудь. Если позвонишь, она тут же откажется, сославшись на несуществующие дела. А дел-то никаких и не было у нее уже почти год. Генка рвался, что-то делал, что-то предпринимал, что-то добывал, а Наташа будто умерла. Умерла в тот день, когда умер ее маленький Степашка. Прямо на день своего рождения, когда ему исполнился всего годик.

Наташку стоит навестить. Она давно у нее не была. Все откладывала, все пыталась забыть их последнюю встречу, когда подруга вытолкала ее из дома взащей, прокричав вслед, что она никого не желает видеть и ее — Ирину — в том числе. Что ей все надоели. И более того, что она ненавидит их всех за их безмятежное счастье.

Ох, как ей больно тогда сделалось от несправедливых упреков подруги. И еще больше за Наташкину боль, с которой та ни в какую не желала расставаться.

— Ты идешь спать?

Ирина стояла на пороге гостиной в самой лучшей своей сорочке, которую надевала лишь однажды и которая Стасу очень понравилась тогда. Очень надеялась повторить впечатление, но он даже не повернул головы, пробормотал, что еще пару часов будет занят. Стало быть, в постель ей надлежало отправляться одной.

Вошла в спальню и, не включая света, полезла